

КЛЫЧКОВ, псевдоним; настоящая фамилия -- *Лешенков*, Сергей Антонович [1(13).VII.1889, дер. Дубровка Тверской губ. -- 1937] -- писатель. Родился в семье кустика-кожевника. В автобиографии К. писал, что многим обязан своей семье, особенно "языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой матке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему, Антону Никитичу Лешенкову (*Клычков* -- фамилия по бабушке), а больше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу, в малиннике которого меня мать скинула, спутавши по молодости сроки" (Клычков С. Чертухинский балакирь. Романы.-- М., 1988.-- С. 6). Учился в сельской школе, "пописывал стишки, больше про домовых и про леших" (Там же.-- С. 5), которые уничтожил позже, когда был принят в Москве в училище И. И. Фидлера. Печататься начал с 1907--1908 гг. в поэтических альманахах.

В 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где в это время учились Б. Пастернак и С. Соловьев, который оказал определенное влияние на К. В том же году вместе со своим "покровителем" М. И. Чайковским, братом великого композитора, ездил в Италию, познакомился там с М. Горьким и А. В. Луначарским.

По воспоминаниям современников, К. "вел довольно беспокойный образ жизни, близкий к богеме... пристрастился к вину... Систематические занятия были не в духе Сергея" (Русская литература.-- 1971.-- No 2.-- С. 149). Его страстью было поэтическое творчество: "Слава богу, я опять полон счастьем своим одиноким, как пруд наш весною, стихи-рифмы в моей душе полощатся, как утки, зазывая с реки диких селезней! Так-то хорошо... Я сам знаю теперь, что у меня талант... Только в этом для меня соль и значение моей беспутной жизни!" (Письмо 1911 г. // Русская литература.-- 1971.-- No 2.-- С. 152).

В 1911 г. в Москве выходит первый стихотворный сборник К. "Песни", состоящий из трех разделов: Печаль-Радость, Лада, Бова. Мир его стихов условно-сказочный, языческий, в котором живут Старец, Колдунок, Леший, Лада, Старый Дед -- ее отец, Красногивый Горбунок и др. сказочные персонажи. А лирический герой -- "тихий грустный инок", видящий перед собой три пути: "к веселию", "в келию", "Третий путь -- нехоженный, / Взглянешь и растает, / Кем куда проложенный, / То никто не знает" ("Образ троеручицы"), И он выбирает первый путь, живет в этом фантастическом радостном мире, где "Ходит Лада -- сеет, / Вкруг нее синее / Взборонена борозда, / Что ни зернышко -- звезда" ("Лада в поле"). Все в этом мире доступно и просто: "Прибегли / На край земли. / Глядь-поглядь: дорожки нет -- / Постучались на тот свет" ("Лада в пути").

Таким же легким и светлым был и второй сборник К. "Потаенный сад" (М., 1913). И в нем нарисован вымышленный мир, никак не связанный с реальной действительностью. Образ "потаенного сада" возник еще в первой книге. Жители в "потаенном саду" К. все те же: Старец древний, Колдун, Старый Леший, Бес, Купава, милая, "Потаенною тропинкой / Ходит Лада за водой" ("Лада в саду"). А лирический герой "счастлив и в горе", он -- "пастух" и "певец": "И песни -- как стадо овец / В тумане раннем у реки" ("Я все пою -- ведь я певец...").

Блоку стихи К. не нравились, Клюев их одобрял. Нужны были деньги для содержания семьи, и поэту пришлось поступить на службу. Жизнь и мировоззрение его изменила начавшаяся летом 1914 г. война. Осенью он был

призван в армию, служил на Балтике, потом в школе прапорщиков в Финляндии, встречался с А. И. Куприным. В сознании К. происходит перелом, в его сказочный мир вторгается реальная жизнь, поэта тянет к эпической прозе, он задумывает написать хронику жизни старой деревни. В письме начала 1914 г. он сообщает: "Хочется мне, милый друг, написать свою прозу так, чтобы от нее не оторваться, чтобы все было по-иному, не как теперь пишут. Матерьялу у меня много, выдумывать мне незачем -- это-то, мил друг, и труднее. Выдумывать, оказывается, в сущности не штука -- штука вся в том, чтобы полюбить то, что видел, что пережил, действительность, правду..." (Русская литература.-- 1971.-- No 2.-- С. 154). Он подавлен, почти совсем не пишет стихов, переоценивает свое прошлое: "...пустыня души, которая у меня как-то съезжилась, завяла с первого дня этой войны... Чувство какой-то роковой странной опустошенности не покидает меня по сие время...-- пишет он 1 января 1917 г.-- Боязливо озираясь теперь на свою безвозвратную юность, я многое не понимаю сам в ней, не понимаю теперь бывшей душевной легкости, беспечности сердечной, не слышу аромата лучших цветов из ее прекрасного венка... все с начала до конца было ошибкой, самообольщением, невольным обманом самого себя перед строгим и бесстрастным лицом жизни, уходом от реальной правды, но если вернуть реки вспять, я не хотел бы иного!" (Там же).

Октябрьскую революцию К. встретил восторженно: "Как не петь и не молиться, / Если все поет вокруг -- / Лес и луг, ручьи и птицы, / Если облак светлолицый / Улыбается, как друг!..." ("Как не петь и не молиться..."). Но он уже иной -- более грустный, видящий нелегкую жизнь крестьян в годы испытаний, остро реагирующий на все происходящее. Эти настроения отразились в сборнике "Дубравна" (М., 1918). Поэту слышится "похоронная песня берез", он видит, как "в окно... горе глядится", считает, что "хозяйка тут -- злая судьба", "И все гостя чудесного ждут" ("Свет вечерний